

Министр культуры Н. А. михайлов

22 марта 1955 года газеты опубликовали Указ о назначении новым министром культуры СССР вчерашнего посла в Польше, недавнего секретаря Московского комитета партии (МК), в прошлом секретаря ЦК ВЛКСМ Николая Александровича Михайлова. Михайлов руководил комсомолом с 1938 года, при нем комсомольских активистов уже не арестовывали, правда, активистов почти не осталось. Николай Александрович хорошо усвоил уроки, преподанные ему исчезнувшими в никуда предшественниками, и не высовывался. Шло время, родившийся еще в 1906 году, он давно перерос комсомольский возраст, уже его дети, Женя и Света, догуливали последние комсомольские деньки. После XIX съезда партии, в конце 1952 года, Сталин пересадил Михайлова в кресло секретаря ЦК КПСС и одновременно сделал заведующим Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС. Надвигалась новая «чистка» высшего руководства, после чего Михайлов мог вообще вознестись под самые небеса. Но Сталин умер, в новом раскладе Михайлову в ЦК места не нашлось, там срочно восстанавливали статус-кво. Зато образовалась вакансия в Московском комитете, требовалась замена переместившемуся в ЦК Хрущеву. Маленков предложил Михайлова: относительно молодой, проверенный, неамбициозный, и вообще его надо куда-то пристроить.

Михайловы поселились на даче в Огарево рядом с нами. В бывшем дворце бывшего московского генерал-губернатора традиционно жили первые московские партийные секретари. Но теперь, по праву старшинства, отец сохранил главный дом за собой, Михайловы довольствовались бывшим свитским корпусом, двухэтажным каменным строением, с огромным стеклянным «фонарем» в торце, с пригорка глядевшем на склон Москвы-реки. До Михайловых там жила семья Александра Александровича Щербакова, сталинского любимца, в годы войны первого секретаря МК и одновременно главного пропагандиста страны. Он скоропостижно скончался в 1945 году, но дача за семьей сохранилась. Щербаковых только потеснили из главного дома, куда въехал возглавивший Московский комитет Георгий Михайлович Попов.

Я дружил с рассудительным не по годам сыном Щербакова Костей, с восхищением взирал на его старшего брата Сашу, военного летчика-испытателя. Был еще младший брат Ваня, но мы его особым вниманием не удостаивали. Теперь им предложили с дачи съехать. А каковы будут наши новые соседи?

Соседи оказались веселыми, компанейскими. С Женей и Светой я быстро сдружился. А вот наши родители скорее общались, чем дружили. Сказалась разница в возрасте. Николай Александрович, и особенно его жена Раиса Тимофеевна, принадлежали к постреволюционному светскому обществу, с его безобидной болтовней, сплетнями, легким флиртом. Отец же, а уж тем более мама, оставались до конца своих дней убежденными «строителями новой жизни», и вся эта светская шелуха их абсолютно не занимала.

Во время совместных прогулок сосед, в основном, «решал вопросы», отец же решать их в дачной обстановке не хотел, на то есть рабочие кабинеты в ЦК. Он, в свою очередь, начинал обсуждать с Михайловым севообороты, кукурузный силос, стеновые панели, гипсовые перегородки – все то, что занимало его в те годы. Николай Александрович, весь напрягшись, внимательно слушал, но постепенно его глаза стекленели, встряхнувшись, он, как мог, демонстрировал заинтересованность, и снова его одолевала дремота. Не встречая отклика, отец все больше терял интерес к собеседнику. Николай Александрович очень старался удерживать внимание отца, но у него это получалось плохо. Они говорили на разных языках.

Мама с Раисой Тимофеевной на прогулках следовали за мужьями. Раиса Тимофеевна щебетала о подругах, о нарядах, о детях, обо всем на свете. Мама вымученно поддерживала разговор. В нарядах она не разбиралась и считала интерес к ним ниже своего достоинства,

светскую жизнь она тоже не жаловала. После прогулки вместе обедали и с облегчением расходились. Проводив гостей гостеприимной улыбкой, мама ворчала, ее раздражало мещанство нынешних партийных руководителей.

Дела в МК у Михайлова не складывались. Он привык руководить комсомольским движением, а тут с утра до поздней ночи приходилось решать, что где строить, что где сеять, «выбивать» план, «затыкать дыры».

Менеджером, хозяйственным руководителем надо родиться, тут необходим талант, у Николая Александровича его не оказалось. Страдал он, страдали окружающие, наконец отец не выдержал, в 1954 году «сосватал» своего соседа послом в Польшу, а «на Москву (в МК. — С. Х.) посадил» Ивана Васильевича Капитонова, человека, как ему казалось, скроенного по тем же меркам, что и он сам.

Секретарем Московского городского комитета (МГК), избрали Екатерину Алексеевну Фурцеву.²¹ Отцу нравились ее хватка, напористость, а когда требовалось, она становилась сдержанной, порой даже ласковой. Правда, органы докладывали, что она не по-женски злоупотребляет шампанским, и не только им. И тем не менее, отец не ошибся в выборе, Фурцева оставила по себе добрую память.

В Польше у Николая Александровича тоже не заладилось, посол в соцстране, особенно такой непростой, как Польша, не столько дипломат, сколько хозяйственник. Он должен разбираться не только в протоколе, но и в межотраслевой кооперации социалистических стран. В Польшу назначили Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего секретаря ЦК Белоруссии, а Михайлову снова пришлось подыскивать подходящее его рангу место.

Тут и повод подвернулся. Сталинский философ, министр культуры Георгий Федорович Александров скомпрометировал себя. В Москве всю судачили о его «приключениях» с молодыми актрисами, в том числе с Аллой Ларионовой. В фильме «Анна на шее» она очаровала всех. А теперь она «на шее», но уже не в кино, у царского, а в жизни, у нашего, советского, министра. Срочно приняли меры. Александрова, как не справившегося с работой, освободили, отправили научным сотрудником в Институт философии, но не в московский, а минский. На его место и назначили Николая Александровича. Сочли, что культура, конкретных знаний не требует, он тут не оплошает.

На новом месте Михайлов быстро освоился. Ему очень нравилось общаться с писателями, художниками, режиссерами, по-отечески их поучать, а порой и одергивать. Раиса Тимофеевна просто блаженствовала: премьеры спектаклей, просмотры новых фильмов, вернисажи, знаменитости на каждом шагу.

Должность эта в правительстве самая неблагодарная. Занявший ее никогда и никому не угодит. Любой самый захудалый писатель, режиссер, актер считает себя, если не гением, то уж несомненно, на две головы выше своих коллег, а интеллект начальства отмеряет в зависимости от его согласия со своим, «единственно правильным», мнением. А уж признанные таланты вообще не считаются ни с кем, кроме себя. Талант так устроен. А тут какой-то Михайлов, министр?!

Если же проявить объективность, вспомнить, что произошло за министерский период Михайлова, то картина получится иной. 3 марта 1955 года, вскоре после назначения Михайлова министром культуры, газеты опубликовали сообщение о возвращении в ГДР картин Дрезденской галереи. Инициатива, естественно, исходила от политического руководства. Тут Михайлову отводилась роль исполнителя. 2 мая картины выставили в Пушкинском

²¹ Московский комитет партии осуществлял руководство в Московской области и Москве, Москвой управлял МГК, формально подчиненный МК. Михайлов совмещал обе должности. После его отставки было произведено фактическое разделение руководства МК и МГК. Однако секретарь МГК Фурцева, в силу своих личных качеств и значимости Москвы, в этой связке заняла доминирующее положение. Вскоре она стала членом Президиума ЦК КПСС.

музее. С первого до последнего дня очередь жаждавших взглянуть на них вытянулась во всю прилегающую к нему улицу.

Мне казалось неправильным отдавать картины немцам. Сколько они пожгли, пограбили у нас и ничего не вернули. Пошел со своими сомнениями к отцу. Он со мной согласился, но пояснил, что дружба с немцами ценнее любых картин. Это их, а не наши ценности. Воевал с нами Гитлер, а не Ульбрихт, он тогда у нас на фронте агитировал фашистов сдаваться в плен, правда, без особого успеха.

Картины вскоре уехали в Дрезден. Жалко, конечно, но, наверное, это правильно: все-таки собраны они руками и на деньги саксонцев.

В июне 1955 года родилась «Юность», журнал для молодежи, журнал, где могли печататься новые, никому еще не известные авторы. Валентин Петрович Катаев стал его главным редактором. Журнал «пробивали и пробили» через Михайлова. Казалось бы, невелика заслуга. Но состоялась бы «Юность», сиди в кресле министра другой человек?

13 июля 1955 года вышел в свет первый номер «Иностранной литературы». За последние сталинские десятилетия люди забыли, что когда-то, в 1930-е годы, такой журнал уже существовал. Потом его закрыли, печатать западных авторов, вообще говорить о Западе стало не модно и, даже опасно. Теперь советские люди, особенно молодежь, заново открывали для себя «потусторонний» мир.

Самые обыденные вещи приковывали всеобщее внимание, приводили нас в восторг. Мне особо запомнилась «Одноэтажная Америка» Ильи Ильфа и Евгения Петрова – репортаж о поездке в конце 1920-х годов по Соединенным Штатам, о мотелях, закусочных, о жизни простых людей в далекой заокеанской стране. А какой восторг вызвали у меня размытые фотографии, сделанные Серго Микояном на Цейлоне! Уже после смерти Сталина он попал туда в составе какой-то делегации. Пальмы, слоны – и все это он увидел живьем, а не в зоопарке или в пыльном томе «Жизни животных» Брема.

Конечно, открывал окно в мир не Михайлов, и не он решал судьбу «Иностранки», новые журналы начали появляться до него, но кто-то должен был внести конкретное предложение в верха. Или не внести. Или вообще написать отрицательное заключение на чужое предложение. Или положительное, а может, и восторженное. Все это зависело от министра культуры, и от как зависело.

День за днем

7 марта 1955 года Советский Союз присоединился к Гаагским конвенциям 1899 и 1907 годов о статусе военнопленных, к конвенциям, которые Сталин не просто игнорировал, но, я бы сказал, ненавидел, что во время войны стоило невероятных страданий миллионам наших солдат, попавшим в немецкий плен.

1 апреля читатели не обнаружили на первых страницах газет ожидаемого сообщения о снижении цен, которое практиковали с 1948 года. В конце 1947 года старые рубли, в соотношении десять к одному, обменяли на новые, отменили продуктовые и промтоварные карточки на товары, установили новые, запредельно высокие, цены. Со следующего года их начали понемногу снижать, выборочно, но регулярно, год за годом. Мероприятие пропагандистское, но эффективное. Помню, как все ждали очередного снижения, потом бежали в магазин, а там на ценниках перечеркнуты старые цены, а рядом, чуть пониже, красным поставлены новые. Через месяц появлялись новые-старые продукты, но с новыми

названиями и новыми ценами. Они вытесняли прежний ассортимент, но и старые, дешевые продукты совсем не исчезали, просто переходили в разряд дефицита. Отец предложил людей больше не обманывать, у нас и по старым, не сниженным ценам, продуктов в обрез. Это была его, может быть, самая серьезная ошибка. Продуктов становилось больше, люди жили лучше, но в народной памяти осталось: «При Сталине цены снижали регулярно, а после...»

20 апреля 1955 года отец отправляется в Варшаву на празднование 10-летия подписания советско-польского договора о дружбе. В Польшу он едет без Булганина, там, в отличие от капиталистических стран, отец не нуждается в «государственном прикрытии».

15 мая 1955 года традиционно объявили о подписке на очередной Государственный заем в 32 миллиарда рублей. К займам так же привыкли, как и к снижению цен, без радости, но покорно подписывались все. Заем превратился в некий дополнительный налог. Отец опять заговорил, что от этой практики пора отказываться, эти дополнительные, заемные деньги давно уже почти ничего не приносят в бюджет, все уходит на выплаты по предыдущим займам. Минфин возражал, если деньги не занимать, то нечем будет платить по выигрышам, гасить выходящие в тираж облигации. Получался замкнутый круг. Решили в 1955 году заем оставить, а как поступить в 1956 году – подумать.

12 июня 1955 года в Якутии открыли месторождения алмазов, знаменитую кимберлитовую трубку «Мир». До того алмазные россыпи считались только африканской принадлежностью, как, например, львы или носороги. Якутские алмазы стали настоящей сенсацией, но газеты об этом событии не сообщили, алмазы продукт стратегический, месторождение засекретили.

4 июля отец, а вместе с ним и все сколько-нибудь значительные члены Президиума ЦК впервые со времен войны пришли в Спасо-хауз на прием к американскому послу по случаю Дня независимости США, да и во время войны, приемы в посольствах посещал только Молотов, министр иностранных дел.

14 июля 1955 года, в День падения Бастилии члены Президиума ЦК побывали на приеме в посольстве Франции.

16 июля отец с Булганиным, Молотовым и Жуковым отправились в Женеву на совещание глав четырех держав-победительниц во Второй мировой войне. Они вместе не собирались с июля 1945 года.

20 июля 1955 года наконец-то открыли свободный доступ в Кремль, без пропусков или приглашений на Новогодний бал, иди кто хочет и когда хочет, как в любой другой музей. Решение об этом, по предложению отца, первый раз попытались принять еще в декабре 1953 года, но все никак не получалось. Сопротивлялось Управление охраны, «девятка». Возражал Ворошилов, с 1918 года он жил в Кремле, привык к утреннему и вечернему моциону по безлюдным дорожкам, а тут посетители, экскурсанты, просто прохожие. Отец отшучивался: «Клим, не съедят они тебя, гуляй на здоровье». Климент Ефремович на шутки не реагировал, мрачнел, дулся. Отец поначалу его не торопил, открытие Кремля для публики не относилось к делам первостепенной важности. Так продолжалось почти полтора года. Наконец отцу препирательства надоели, комендатура Кремля получила указание

открыть все входы и выходы. После этого Ворошилов с кремлевской квартиры съехал, гулял теперь на даче за надежным зеленым забором. Отцу же, напротив, полюбились прогулки в Кремле, хотя он там никогда не жил. Ему нравилось многолюдье, толпы он не боялся, окунался в нее, как в морскую волну, заговаривал со встречными, шутил.

В сентябре первая советская экспедиция на дизель-электроходе «Обь» отправилась в Антарктиду. Мы тогда слабо представляли, что за континент находится на Южном полюсе. И хотя бюджетных ресурсов в стране, как всегда, не хватало, но Советский Союз не пожелал оставаться в стороне, ведь тогда в Антарктиду как раз наладились американцы.

17 сентября 1955 года Президиум Верховного Совета СССР объявил об «амнистии граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

8 октября 1955 года новейшие советские крейсера «Свердлов» и «Александр Суворов» прибыли в Портсмут с визитом дружбы.

12 октября в Ленинграде бросил якорь британский авианосец «Триумф».

В 1955 году был основан Челябинск-70, ныне Снежинск, закрытый городок, где разрабатывали ядерное оружие, дублер и конкурент Арзамаса-16 (ныне Саров). Держать все «яйца» в одной корзине отец считал слишком опасным, американцы одним ударом могут лишиться страну ядерного потенциала. И подставить Юлию Борисовичу Харитону конкурента он тоже считал не лишним, один ум хорошо, а два – лучше. Научным руководителем Челябинска-70 назначили будущего академика Кирилла Ивановича Щелкина.

Осенью 1955 года провел первую плавку Череповецкий металлургический комбинат.

Заем, снижение цен, новые журналы, полярная станция в Антарктиде и даже коронация английской королевы не шли ни в какое сравнение с отменой запрета аборт, введенного Сталиным 27 июня 1936 года. Тогда, накануне репрессий, он предполагал таким образом восполнять запланированную им «убыль» населения, да и вообще пусть не ленятся, рожают побольше, стране нужны и солдаты, и рабочие. За аборт назначили суровое уголовное наказание, но аборты не искоренили. Аборты делали подпольно, с риском не просто для здоровья, но и самой жизни женщин. Мария Дмитриевна Ковригина, министр здравоохранения, и Нина Васильевна Попова, секретарь Объединения профсоюзов, две входившие во власть женщины в середине 1955 года подали в Президиум ЦК записку с просьбой разрешить аборты.

На Президиуме мнения разделились, Каганович, он в отсутствие отца, председательствовал в тот день, не просто высказывался против, а грубо обрушился на докладывавшую вопрос Ковригину, обвинил ее в искажении линии партии, направленной на ускорение прироста населения в стране. Ковригина стояла ни жива ни мертва. Она знала, что ждет «искажителей» партийной линии. За нее вступился Микоян, начал увещевать Лазаря Моисеевича, уговаривать сбавить тон, а то «люди перестанут выходить со своими предложениями». Каганович утихомирился, но, пользуясь правом председательствующего, отложил решение вопроса на неделю. Микоян пожаловался на Кагановича Хрущеву.

На следующем заседании Президиума председательствовал отец. Предложение Ковригиной – Поповой прошло практически без обсуждения. Даже Каганович промолчал. И вот теперь, 1 ноября 1955 года, аборт стали легальными.

1 декабря 1955 года Президиум ЦК рассмотрел вопрос «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года “О направлении особо опасных государственных преступников, по отбытии наказания, в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР”». Сталин считал, что даже отсидевших свой срок политических не следует возвращать «на большую землю». Их, нежелательных свидетелей, лучше пожизненно изолировать ото всех и вся.

Сразу по подписанию в 1948 году сталинского указа, вновь арестовали и отправили на Север на поселение 25 тысяч человек, выпущенных из лагерей после войны. После 21 февраля 1948 года, освобождавшиеся из заключения автоматически препровождались в места, указанные Министерством внутренних дел. На 1 января 1955 года таких «поселенцев» насчитывалось 54 309 человек, в том числе: «украинских, белорусских, литовских, латышских, эстонских и других националистов – 23 160 человек». Они рвались домой, удерживать их в поселенческих поселках становилось все труднее, а главное – бессмысленно.

Генеральный прокурор СССР Руденко, вместе с другими, причастными к этому делу чиновниками, 22 января 1955 года запросил Президиум ЦК – как быть? Дело тянулось целый год, обрастало справками и заключениями, и наконец его рассмотрел Президиум ЦК. Указ Президиума Верховного Совета СССР, предоставлявший свободу ссыльнопоселенцам, подписали 13 февраля 1956 года, в канун открытия XX съезда КПСС.